

I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ

2

ИЭН М. Т. СТЮАРТ РОЛЬ МЕТОДОЛОГА

2.1. Введение

«Почему эта книга начинается с рассмотрения методологии?» Мы встречались с этим вопросом неоднократно на ранних стадиях работы над данным изданием. Выяснилось, что лица, задававшие вопрос, имели в виду разные вещи. Для одних проблема заключалась в следующем: «Зачем помещать методологическую дискуссию в начало книги перед описанием того, что фактически происходит в современной экономической теории?» Другие имели в виду нечто иное: «Учитывая, что существует столько захватывающих проблем в экономической теории и прикладной экономике, зачем вообще посвящать целый раздел изложению методологических аспектов?»

Обдумав эти вопросы, мы, при всем уважении к тем, кто их задавал, решили придерживаться нашего исходного плана. Иными словами, мы включили в книгу основательное обсуждение методологических проблем и поместили его в эту, первую часть настоящего издания.

Приняв решение включить главы, посвященные методологии, мы руководствовались основной целью этой книги. Наша цель и цель других авторов данного издания состоит в том, чтобы не просто описать сегодняшнее «положение дел» в экономической науке, а определить ее *перспективы*. Мы полагаем, что одна из важнейших функций методологии как раз и заключается в том, чтобы представить перспективы.

Главная задача методолога состоит в том, чтобы поставить простые, прямые и, возможно, неудобные вопросы экономистам-теоретикам и практикам. Например: «Что мы делаем? Почему мы это делаем? Делаем ли мы это правильно? И, кстати, что означает слово — „правильно“? Какое применение могут найти наши результаты?»

Нам представлялось, что эти вопросы уместно задать, приступая к критическому анализу современной экономической науки. И действительно, все авторы данной книги пытаются ответить на эти вопросы, в различной степени выделяя и раскрывая их. Задача части I состоит в том, чтобы исследовать смысл самих вопросов и предложить критерии, которые можно использовать для ответа на них.

В свою очередь, это помогает объяснить, почему мы решили поместить методологические главы в начале книги. Мы рассматриваем обсуждение метода как естественное введение к содержанию других трех частей. По традиции методолог рассматривает структуру и обоснование теории (здесь эти аспекты рассматриваются в части II), ее применение для решения практических проблем (часть III) и связь экономической науки с другими областями знаний (часть IV).

В этой главе я сначала опишу главные темы современной экономической методологии. Затем я остановлюсь на том, как поразительно возрос интерес к методологическим проблемам. Наконец, я представлю каждую главу части I.

2.2. Основные темы современной экономической методологии

К счастью, методологи наших дней перестали мучиться над решением вопроса: «Что такое экономическая наука?» К сегодняшнему дню общепринятой является точка зрения, согласно которой экономическая наука — это все, что входит в определение, предлагаемое академическим и профессиональным сообществом. Также признано, что разные экономисты могут давать разные определения, каждое из которых не является более правильным, чем другие, и что в любом случае современная экономическая наука включает столь много разнообразных субдисциплин, что единственное определение оказалось бы бесполезным.

Другой традиционный вопрос, напротив, все еще актуален в современной методологии (см., например, Eichner, 1983; Rosenberg, 1983): «Является ли экономическая теория наукой?» Однако в течение последнего десятилетия произошел заметный сдвиг в методах подхода экономических методологов к этой проблеме.

Традиционная версия этого вопроса в несколько упрощенном виде выглядит следующим образом: «Где-то в мире существует процедура, называемая научной. Философы знают, в чем она состоит, а ее типичным примером является то, что делают физики. Несколько экономические исследования похожи на эту процедуру и, следовательно, в какой степени экономическая теория заслуживает того, чтобы ее называли наукой?» Вместе с этим традиционным

вопросом задают также несколько сопутствующих, в частности: «В какой степени экономисты *должны* подражать процедуре, называемой „научной“?»

Как известно, в последние годы философы, занимающиеся проблемами естественных наук, перестали употреблять понятие «образцовая наука». В частности, физика первоначально трактовавшаяся как образец строгой теории и достоверных данных, стала восприниматься как таинственная сфера аппроксимаций и хаоса (см., например, Zukav, 1979; Capra, 1983; Feyerabend, 1987). Экономические методологи все еще не дали окончательной оценки воздействия этого «сдвига» на их собственную область изучения (см., например, обсуждение О'Брайеном теории хаоса в главе 4 этой книги). Однако это воздействие уже проявилось в соответствующем «сдвиге» в тех вопросах о природе экономической науки, которые задают методологи. Теперь они, например, спрашивают: «Существуют ли различные виды процедур, каждый из которых вписывается в определение „науки“, но различным способом? Могут ли науки, которые первоначально трактовались как „точные“, позаимствовать что-то полезное из методов „неточных“ наук? В какой степени методы экономической науки должны подражать методам различных видов наук?»

В этих «смещенных» рамках основные темы методологических рассуждений по поводу современной экономической науки можно отнести ко вполне почтенным источникам. Приводимый ниже перечень является моей собственной формулировкой этих главных тем. Его можно было бы представить в многообразных формах, и очевидно, что независимо от формулировки входящие в него сферы должны в значительной степени «пересекаться» и взаимодействовать. Все эти темы детально исследуются в последующих главах, и, таким образом, я должен здесь просто упомянуть их в качестве указателей на содержание данных глав (во избежание повторов в оставшейся части настоящего раздела я дам только минимум библиографических ссылок).

С учетом этих предостережений предлагаемый мной перечень главных тем выглядит следующим образом:

1. Какова природа теории в экономической науке?
2. Что экономисты могут знать о реальности?
3. В какой степени экономисты могут предсказывать будущее?
4. Каких научных достижений можно добиться за счет изучения исторического развития экономической мысли?
5. Что добавляют социологические понятия к нашему пониманию развития, происходящего в рамках экономической науки?

По традиции — и до сих пор — обсуждение этих тем часто осуществлялось под «вывесками» различных «школ» экономической

мысли. Например, австрийцы, позитивисты и институционалисты ассоциируются с их собственными отличительными наборами методологических принципов (см. соответственно главы 5–7). Прошлые споры о методе иногда были похожи на политические диспуты, причем участники всецело принимали «платформу» их излюбленной методологической школы и пытались разрушить позицию другой школы целиком. К счастью, методологи сегодняшнего дня обычно более эклектичны.

Теория, проверка и «спор о предпосылках»

Темы 1 и 2, приведенные в перечне, тесно взаимосвязаны. Конечно, дело в том, что исследования, посвященные природе экономической теории, часто связаны с вопросом, как можно проверить теорию с помощью эмпирических наблюдений. Сочетание этих двух тем порождает давно ведущиеся методологические дебаты, называемые «спором о предпосылках». Данный диспут восходит по крайней мере к XIX в., к критике понятия «экономического человека». Предметом спора, по сути, является вопрос: «Следует ли оценивать экономическую теорию исходя из реализма ее предпосылок или это нужно делать исходя из точности ее прогнозов?» Каждая методологическая школа в рамках экономической науки предлагала свой собственный ответ (или ряд ответов) на этот вопрос. Большая часть обширной литературы по поводу «спора о предпосылках» содержала аргументы за или против позитивистской школы экономической теории. Обзор сегодняшнего состояния этой дискуссии содержится в главе 6, написанной Боулэндом.

В этом контексте слово «прогноз», если его интерпретировать в строгом смысле, означает просто то, что «конкретное событие, которое предлагается в теории, будет наблюдаться в реальности»; отнесение такого события к конкретному моменту времени не обязательно. Однако в методологических диспутах, как и в повседневных разговорах, это слово часто имеет подразумеваемое дополнительное значение, а именно: «событие, которое, как ожидается, будет иметь место в будущем». Таким образом, «спор о предпосылках» часто также предполагает дискуссию по теме, обозначенной в нашем перечне номером 3. Неудивительно, что методологи, настаивающие на первостепенности «проверки теории по ее прогнозам», также склонны верить в способность экономистов предсказывать будущее (если не при современном «положении дел», то несколько позднее, когда методы прогнозирования будут усовершенствованы). И наоборот, авторы, предпочитающие оценивать теорию исходя из ее предпосылок, часто уделяют внимание неизбежным и, возможно, неразрешимым проблемам количественного прогнозирования в реальной экономической науке.

Прогноз и эконометрика

Тема 3 в нашем перечне — в какой степени экономисты могут прогнозировать будущее — также играет видную роль в еще одном диспуте, касающемся прогнозной ценности эконометрических методов. Разумеется, — как об этом предупреждают своих читателей немногие учебники по эконометрике — эконометрические «предсказания» следует, строго говоря, интерпретировать только безотносительно к конкретным моментам времени; нет эпистемологических оснований для утверждения, согласно которому эконометрика может точно предсказывать будущее. Однако на практике способность заглядывать в будущее была мотивом для большинства эконометристов, и она, несомненно, считалась основной целью эконометрики политиками, наблюдавшими за результатами эконометристов, и фондами, предоставлявшими гранты для осуществления их исследований.

В последующих главах периодически повторяется тема «кризиса», который, по общему мнению, поразил экономическую науку в середине и продолжался до конца 1970-х гг. Растущее разочарование в способности эконометристов производить «блага» в виде последовательно точных прогнозов было, по всей видимости, одной из основных причин кризиса. Вопрос состоит в том, сможет ли экономический метод в будущем давать количественные прогнозы с приемлемой точностью при условии его усовершенствования? Или же природа экономических данных такова, что любая попытка систематического прогнозирования по сути бесполезна или, в лучшем случае, приводит к результатам, настолько разнородным по степени точности, что затраты усилий на такие прогнозы являются излишними?

Экономическое неведение и временное измерение

Некоторые методологи экономической науки, объединив рассмотрение тем 2 и 3, ставят вопрос о том, что экономисты *могут* знать о будущем. Изучаемые здесь проблемы связаны с более фундаментальными уровнями эпистемологических рассуждений, чем вопрос о количественных эконометрических предсказаниях. Одним из объектов критики этих авторов является экономическая «теория принятия решения в условиях риска» (или «в условиях неопределенности»). Все варианты этой теории опираются на предпосылки о том, каковы ожидания экономического субъекта. Например, можно предположить, что он будет осуществлять свои действия на основе множества возможных результатов, каждому из которых он приписывает конкретную вероятность. Методологи-критики такого подхода, особенно Шекл (Shackle, 1988), отметили, что эти предпосылки содержат такую степень знания будущего, какой экономический субъект реального мира никогда не сможет обладать. Поэтому они считают подобные теории

беспольными для любой цели, кроме построения абстрактных головоломок (в главе 5 Берри обсуждает обоснование критики, предпринятой Шеклом).

Однако если будущие экономические события нельзя предсказывать в вероятностных терминах, то что мы можем сказать о возможности их наступления? Лоусби (Loasby, 1976) и Хатчисон (Hutchison, 1977) предложили использовать термин *неведение* (ignorance) вместо термина «неопределенность» для обозначения такого состояния знаний о будущем, при котором исходы хотя и не могут быть предсказаны в вероятностных терминах, тем не менее не являются полностью непредсказуемыми. Однако в момент написания этой статьи эта терминология еще не была широко принята.

Хикс (Hicks, 1979) выдвинул утверждение, которое может разъяснить понятие неведения. Согласно его тезису, в области наблюдаемых экономических событий возможность различных будущих событий можно часто ранжировать, даже если им нельзя приписать количественный показатель вероятности. Хотя Шекл (Shackle, 1988) предложил критику тезиса Хикса, современные авторы еще не полностью исследовали выводы, вытекающие из этой концепции «ординальной возможности».

История экономической мысли

Тема 4 в приведенном выше перечне связана, конечно, с давно существующей областью изучения, известной под названием «история экономической мысли». В главе 3 Дин обсуждает современные разработки в рамках этой дисциплины. Она ссылается на шумпетеровское определение «экономической мысли» как «мнений об экономических вопросах, которые преобладают в любой данный момент времени или в любом данном обществе». Таким образом, изучение истории экономической мысли прямо вписывается в методологическую сферу. Это не то же самое, что изучение экономической истории, хотя эти две дисциплины «пересекаются» (дальнейшие обсуждения общих основ экономической науки и истории см. также в главе 41, написанной Крафтсом).

Социологические и идеологические подходы

При использовании социологических или идеологических приемов анализа в рамках экономической методологии в центре внимания находятся две темы (тема 5 в нашем перечне). Первая из этих тем связана с применением к экономической теории хорошо известного понятия «научных революций», впервые предложенного Куном (Kuhn, 1970), и альтернативного подхода Лакатоша (Lakatos, 1978), выдвинувшего «методологию научно-исследовательских программ».

Вторая важная тема касается не столько природы экономической науки, сколько социологических черт профессии экономиста как таковой. Этот аспект детально обсуждается Коутсом в главе 8.

2.3. Методология: упадок и возрождение

Примерно в последние десять лет наблюдался экстраординарный рост интереса к методологическим вопросам экономической теории. Это еще сильнее впечатляет, если учесть, что в течение трех с лишним предыдущих десятилетий экономическая методология была фактически в полном забвении среди большинства экономистов. В данном разделе я сделаю краткий обзор этих противоположных фаз методологической активности, воплощенной в соответствующих публикациях, и порассуждаю о причинах такого — «то густо, то пусто» — сценария развития событий. При обзоре литературы я сосредоточу внимание главным образом на книгах по методологии, опубликованных в каждом периоде, которые были предназначены для читателей-экономистов, интересующихся проблемами общего характера, а не для специалистов; к таким книгам относятся, в частности, учебники для студентов бакалавриата. Моя предпосылка состоит в том, что количество изданных книг такого типа служит подходящим приблизительным индикатором общего уровня заинтересованности экономистов методологическими аспектами.

Я полагаю, что можно в ретроспективе увидеть периоды застоя и подъема в заинтересованности методологическими проблемами, отделенные друг от друга коротким периодом «водораздела» конца 1970–1980-х гг. В течение этого промежуточного периода различные стимулы к методологическим изменениям, корни которых находятся как внутри самой экономической теории, так и в широкой области философии науки, соединились, чтобы положить начало возрождению интереса к методологии, которое стало очевидным в 1980-е гг.

Методология в упадке: 1950–конец 1970-х гг.

Начальной вехой этого долгого периода стал опубликованный в 1953 г. известный очерк Фридмена «Методология позитивной экономической науки» (Friedman, 1953). Эта статья содержала все, что требуется, чтобы вызвать длительную дискуссию в любой науке. Во-первых, она была написана харизматическим авторитетом в своей области; во-вторых, она предлагала идеи, которые многим читателям казались смелым отходом от тогдашней традиции; по-

следним (но не по значимости) было то, что она была изложена туманно и двусмысленно и разные читатели могли интерпретировать ее по-разному и даже придавать ей противоположный смысл.

В действительности Фридмен просто предложил свое собственное видение «спора о предпосылках», который начался более чем за сто лет до написания этой работы. Для большинства читателей его очерка выписанный им методологический рецепт выглядел простым и сильнодействующим: «Оценивайте экономические теории исключительно по точности их прогнозов независимо от реалистичности их предпосылок».

«Битва слов» вокруг очерка Фридмена продолжалась в журналах в течение более десяти лет. В действительности эхо этих баталий можно услышать еще и сегодня (обзор этого спора содержится, например, в работах Стюарта (Stewart, 1979) и Боулэнда (Boland, 1982), а также в главе 6 настоящего издания). Однако все эти дискуссии велись только «на территории» специалистов-методологов; они выпали из поля зрения экономистов, занимающихся проблемами общего характера, которые, скорее всего, воспринимали работу Фридмена (или взятые из нее идеи), перепечатанную в других источниках, как общепризнанную экономическую методологию.

Этот процесс был усилен появлением в 1963 г. написанного Липси учебника для студентов бакалавриата «An Introduction to Positive Economics» (Lipsey, 1963). Данная книга, надолго ставшая бестселлером, содержала достаточно убедительное изложение основных аспектов экономической методологии на основе некоторых идей Фридмена и собственной интерпретации автором концепции Карла Поппера (в главе 6 настоящего издания Боулэнд анализирует, какой вклад в идеи экономического «позитивизма» внесли последующие издания книги Липси).

Таким образом, на протяжении 1960-х, а также в 1970-х гг., специалисты-методологи посвящали большую часть своей энергии сражениям по поводу возможных интерпретаций Фридмена, тогда как неспециалисты — включая последующие поколения студентов, воспитанных на Липси, — полагали, что последнее слово в области методологии уже сказано. Неудивительно, что этот период, как удачно выразился Боулэнд, был периодом «методологического паралича».

Следующий момент: мне не кажется случайным тот факт, что в тот же период с середины 1950-х до 1970-х гг. наблюдалось быстрое расширение использования компьютеров и применения эконометрических методов. Получив в распоряжение новые увлекательные инструменты анализа, экономисты стремились поскорее реализовать на практике тезис Фридмена—Липси «проверка прогнозов — прежде всего». Как я уже писал, и для экономистов, и для тех, кто нанимал их на работу, понятие «прогноза» обладало привлекательной аурой

предсказания будущего. В свете этого неудивительно, что экономисты в целом потеряли интерес к методологическим дискуссиям.

Судя по книгам, публиковавшимся в тот период, продолжал раздаваться «глас некоторых вопиющих в пустыне». Найт (Knight, 1956), Хатчисон (Hutchison, 1964) и Боулдинг (Boulding, 1970) представили более широкую трактовку экономической науки по сравнению с господствовавшей позитивистской доктриной. Сборник статей, изданный Круппом (Krupp, 1966), продемонстрировал, что методологическая критика еще жива. Шекл в нескольких своих книгах последовательно развивал свою аргументацию относительно неясности экономического будущего и последствий этого для методологии нашей науки (Shackle, 1958, 1961, 1970). Девонс (Devons, 1961), писавший на основании своего опыта экономиста-прикладника, выражал сомнения относительно того, к чему могут привести современные методы на практике. Из лагеря «австрийцев» раздавался голос фон Мизеса (von Mises, 1960, 1962), который настаивал на своей «априористичной» точке зрения на экономическую науку, совершенно противоположной позиции Фридмена—Липси («австрийская» точка зрения подробно излагается Берри в главе 5 этой книги).

Методология на переходной стадии: конец 1970-х и 1980-е гг.

Возможно, первые признаки грядущих перемен, если судить по издаваемым монографиям, можно усмотреть в начале 1970-х гг., когда Уорд (Ward, 1972) задал вопрос: «Что не так с экономической наукой?» Его вопрос остался без ответа со стороны позитивистско-эконометрического истеблишмента того времени.

Между тем произошли важные события в общей философии науки. В 1962 г. Кун представил свои идеи относительно структуры научных революций, и второе издание этой книги появилось восемь лет спустя (Kuhn, 1970). В журнальных статьях Имре Лакатош развил свой альтернативный подход в рамках «методологии научно-исследовательских программ», и сборник его статей позднее вышел в виде отдельной книги (Lakatos, 1978). Идеи Куна и Лакатоша стимулировали интерес методологов к экономической науке, равно как и к другим научным дисциплинам; в конце концов, работы таких методологов появились в виде сборника статей, изданного Латсисом (Latsis, 1976). Эти новые труды помогли возродить методологическую активность в экономической науке, так как они «отвлекали» методологов от дальнейшей бесплодной дискуссии по поводу идей Фридмена и «спора о предпосылках» (Boland, 1984).

Появился и другой мощный стимул к методологическим переменам, также возникший за рамками экономической методологии как таковой. Это был «кризис» доверия к экономической теории и

практике, который стал разворачиваться с начала 1970-х гг. (см. также обзор Блини в главе 9). По мере того как лица, ответственные за проведение политики, и население стали все более разочаровываться в способности экономической теории бороться с инфляцией и стагнацией, экономисты все острее стали чувствовать неотложную необходимость переоценки своих теорий и методов. Этот процесс в конце концов привел к переоценке методологических принципов, на которых базировались эти теории и методы.

Интересно отметить, что наиболее ярко этот период методологического самодовольства, сменившийся переоценкой ценностей, отразился на судьбе известной кривой Филлипса (Phillips, 1958). Филлипс писал свою статью в то время, когда методологические предписания Фридмена впервые завоевывали признание. Сама кривая была классическим примером результатов, вытекавших из этих предписаний.¹ Она была выведена исключительно на основе эмпирического наблюдения (агрегированных данных) с использованием статистических методов оценивания. Она не апеллировала к каким-либо «теоретическим предпосылкам», оставляя на усмотрение читателей выводы о причинных связях. Ее достоинства на практике оценивались благодаря ее способности прогнозировать результаты — термин «прогнозировать» здесь, как обычно, фактически употребляется в смысле предсказания количественных параметров будущего.

Последующая судьба кривой Филлипса почти сверхъестественно сходна с судьбой методологии, благодаря которой она возникла. «Падение» кривой Филлипса было одной из неразрешимых загадок в экономической теории на протяжении 1970-х гг. (и, как многие могут добавить, остается неразрешимой до сего дня). Обратив взгляд в прошлое, мы можем увидеть, что ухудшение предсказательной способности кривой Филлипса началось примерно с 1970 г. и продолжалось далее, но отклонения фактических значений от предсказанных не становились предметом серьезной озабоченности примерно до 1972 г., т. е. до тех пор, пока не появились первые признаки неудовлетворенности в области методологии.

Спустя три года или чуть позже, экономистам стало ясно, что проблема — налицо. Так как наблюдавшиеся значения инфляции и безработицы отодвигались все дальше и дальше от их предсказанных величин на кривой Филлипса, экономисты-теоретики поспешили сконструировать *объясняющие* рамки, которые могли бы дать некий ключ к пониманию того, где сейчас находится эта кривая, если она действительно когда-либо существовала. В авангарде тех, кто осуществлял эти попытки, находился не кто иной, как Милтон Фридмен.

---

¹ Я не знаю, читал ли Филлипс Фридмена или принял сознательное решение следовать фридменовским методологическим указаниям.

В то же самое время экономисты-прикладники и эконометристы обеспокоенно взирали на свои количественные прогнозы. Если такое устойчивое соотношение, как кривая Филлипса, могло разрушиться столь впечатляюще, то что это в целом означало для эмпирических методов предсказания? Не были ли правы такие критики как Шекл и фон Мизес?

К концу 1970-х гг. возрождение методологических дебатов стало ясно ощущаться в издаваемых книгах. Лоусби (Loasby, 1976), Хатчисон (Hutchison, 1977) и снова Шекл (Shackle, 1979) опубликовали по книге, где рассматривалась ограниченная способность экономических субъектов предсказывать будущее и исследовались общие последствия этого для экономической методологии. Хикс (Hicks, 1979) также предложил новый общий взгляд на природу экономического прогноза, равно как и на проблему причинности в экономической теории. Фриц Махлуп (Machlup, 1978) опубликовал сборник своих методологических статей. Дальнейшим подтверждением повышения к концу десятилетия интереса к методологическим аспектам был выход из печати двух книг, предназначенных непосредственно для студенческого рынка, а именно книга Стюарта (Stewart, 1979) и книга Блауга (Blaug, 1980).

Возрождение методологии: 1980-е гг.

На протяжении 1980-х гг. и по настоящее время гетеродоксальные направления и теоретические дискуссии оставались главным вопросом «повестки дня». Соответственно поддерживался повышенный интерес к методологическим проблемам, что отражалось в литературе: издавался поток книг по методологии, предназначенных для студентов и экономистов, не специализирующихся в этой области.

Катузян (Katouzian, 1980) подверг критике применение в экономической науке позитивизма, а также идей Куна и Лакатоша. Он также выразил обеспокоенность по поводу того, что он назвал «самовоспроизводящейся элитой» в рамках профессионального сообщества экономистов (это заявление также рассматривается Коутсом в главе 8 данной книги).

В 1982 г. появились две книги, в которых рассматривались альтернативы наивному позитивизму. Боулэнд (Boland, 1982) подверг сомнению озабоченность экономистов эмпирическими доказательствами, полученными в результате индукции, доказывая, что это должно привести к конвенционализму. Колдуэлл (Caldwell, 1982) сделал общий исторический обзор, представил критику различных методологических подходов в экономической теории и дал обоснование «методологического плюрализма». Впоследствии он издал сборник критических статей по методологии (Caldwell, 1984). Боулэнд в двух последующих книгах продолжал применять свои методологические

воззрения к микроэкономике (Boland, 1986) и к построению экономических моделей (Boland, 1989). Мак-Клоски (McCloskey, 1986) выдвинул поразительную идею о том, что большую часть того, что мы называем «теорией», на самом деле лучше трактовать как риторику, т. е. как драматическое средство, призванное убеждать других лиц или произвести на них впечатление. Так он спугнул зайца, охота за которым идет до сих пор. Шекл — окрыленный, как можно предположить, ниспровержением веры в способность экономистов к прогнозированию — опубликовал еще один сборник своих статей, вновь подчеркнув свою центральную тему: «Метод в экономической теории должен начинаться с рассмотрения времени» (Shackle, 1988). В конце 1980-х гг. появились еще два учебника для студентов, в каждом из которых идеи Куна и Лакатоша интегрировались с более традиционными аспектами экономической методологии; это были книги Фиби (Pheby, 1988) и Гласса и Джонсона (Glass, Johnson, 1989).

В завершение этого раздела следует сказать несколько слов о разработках в области методологии, опубликованных в журнальной литературе. Даже в недавний, только что описанный период подъема интереса к методологии методологические статьи привлекали интерес меньшинства редакторов журналов общей экономической проблематики. Заметным исключением оказался журнал институционалистов «Journal of Economic Issues», редакторы которого издавна приветствовали методологические работы. Тем не менее в 1980-х гг. вышло два новых важных журнальных издания, посвященных методологии. В 1983 году был основан ежегодник «Research in the History of Economic Thought and Methodology». Его второй том содержал сборник статей, посвященных недавним разработкам в области экономической методологии (Samuels, 1984). Еще одной важной вехой оказалась «инаугурация» в 1985 г. нового журнала «Economics and Philosophy»; он посвящен обсуждению тем, лежащих на стыке между двумя отраженными в его названии дисциплинами, в том числе и вопросов методологии.

2.4. Главы части I

Дин начинает главу 3 «Роль истории экономической мысли» с кратких сведений о корнях этой дисциплины, заложенных в XIX в. Она показывает, что экономические писатели того периода уже были заняты доктринальными и идеологическими спорами, ставшими с тех пор неотъемлемой частью экономической науки. И действительно, если к статье Дин можно было бы предложить какой-либо подзаголовок, то наилучшей его формулировкой была бы: «Доктрина против объективности». Дин доказывает, что одна из потенциальных выгод от изучения истории экономической мысли состоит в том, что благо-

даря этому может сложиться общий взгляд на различные воюющие между собой доктрины и станет легче выработать объективную точку зрения на их сравнительные недостатки и достоинства, различия и сходства, насколько позволяют человеческие силы. Но учитывая природу данного предмета, это следует делать с оглядкой. К тому же приобретенный общий взгляд должен изменяться по мере непрерывного изменения текущего «положения дел».

Как отмечает Дин, некоторые другие неотъемлемые черты современной экономической «науки» также сложились уже к концу XIX и началу XX в. Одна из них — профессионализация (которая детально анализируется Коутсом в главе 8). Другая — уважение, испытываемое научным сообществом экономистов к «высокой теории» и к приобретению специализированных технических навыков. Эти черты, в свою очередь, имели последствие, которое проявилось в области экономического образования на протяжении большей части текущего века, т. е. тенденцию переводить изучение истории экономической мысли (и все методологические дисциплины) в разряд необязательных курсов.

Далее Дин рассматривает причины, лежащие в основе возрождения интереса к истории экономической мысли, начавшегося в 1950-х гг. В некоторой мере эти причины были эндогенными, связанными с увеличением количества научных изданий и переводов первоисточников. Однако Дин также указывает на внешние влияния, т. е. на факторы, связанные с более общим ростом интереса к экономической методологии, что уже упоминалось в настоящей главе. В частности, она уделяет внимание «оживлению», порожденному идеями социологического характера Куна и Лакатоша.

Цитируя работу Блауга, Дин говорит также, что «несостоятельность экономической ортодоксии 1950-х и 1960-х гг. при решении аналитических проблем 1970-х гг.» была еще одним фактором, который способствовал возрождению интереса к истории экономической мысли. В заключительном разделе своей статьи она обсуждает в некоторых деталях два главных аналитических направления, возникших в ходе текущего подъема рассматриваемой ею дисциплины. Первое из них касается новых разработок в истории экономических доктрин, а второе — использования исторического метода в изучении истории экономической науки.

В главе 4 О'Брайен обсуждает соотношение теории и эмпирических наблюдений в экономической науке. Он начинает с изложения своего центрального тезиса. В соответствии с этим тезисом для прогресса какой-либо науки необходим механизм отбора теорий, а главная роль данных состоит в облегчении этого процесса. В первом основном разделе статьи он исследует возможности и ловушки, с которыми сталкиваются экономисты при использовании данных. Предостерегая от требований использования в экономической науке

«индуктивной логики», он отмечает, что Карл Поппер решал не проблему индукции, а проблему того, каким образом можно приобрести знание на основе наблюдений.

Далее О'Брайен критикует знаменитое утверждение Фридмена о том, что реализм предпосылок не имеет значения для отбора теорий. Как отмечает О'Брайен, естествоиспытатели, несомненно, обращают внимание на истинность своих исходных предпосылок. Это звучит весьма иронично, принимая во внимание сциентистские наклонности экономистов типа Фридмена, которые утверждали, что предпосылки не имеют значения. Далее О'Брайен более детально анализирует последствия того факта, что репликацию результатов гораздо труднее осуществить в экономической науке, чем в естественных дисциплинах.

Обсуждая проблемы измерения, О'Брайен выдвигает на первый план зачастую нелепые результаты применения регрессионного анализа к экономическим данным. Метод регрессии — напоминает он нам — был первоначально разработан для использования в анализе результатов агрономических экспериментов, где контроль и повторяемые наблюдения представляют собой общее правило. Напротив, в экономической науке большинство наших данных часто ведут свое происхождение из общедоступных статистических рядов сомнительной достоверности, полученных посредством одноразовых наблюдений. Здесь же О'Брайен рекомендует средства, которые могли бы использоваться экономистами для решения этих проблем.

Затем он рассматривает популярное сегодня утверждение, согласно которому значительная часть того, что пишут экономисты, фактически является риторикой, а не проверяемой теорией. Точка зрения О'Брайена состоит в том, что значительная часть экономических публикаций действительно имеет риторическую форму. В частности, использование высшей математики может часто преследовать риторические цели. Однако это не аналогично тезису о том, что риторика может как-либо «участвовать» в отборе теории или действовать как заменитель такого отбора; в конце концов, эмпирические данные продолжают играть решающую роль.

Обращаясь к использованию физики в качестве модели научного поиска в экономической науке, О'Брайен предлагает вниманию читателей два вопроса. Первый вопрос: является ли методология физики, по крайней мере в понимании экономистов, подходящим идеалом для экономической методологии? Второй вопрос: насколько точно понимание физики экономистами отражает то, чем фактически занимаются современные физики? Один из возможных путей, предлагаемых им, состоит в моделировании экономического метода не на основе физики, а на основе иных областей научного знания, таких как медицина. Альтернативный путь заключается в том, что все еще разрабатываемая в рамках физики теория хаоса

может навести на альтернативные соображения по поводу экономической методологии.

Исследуя в главе 5 «австрийский подход», Берри отстаивает право австрийской экономической школы на то, чтобы быть признанной особой исследовательской программой. Он убежден в том, что ее вклад в экономическую теорию и методологию следует оценивать независимо от доктрин правых политических сил, которые, как правило, ассоциируются с австрийской экономической школой. Теоретические разработки в рамках этой школы ставят в центр внимания тот факт, что экономические события являются следствием человеческих действий, происходящих в мире неведения и неопределенности.

Берри сперва делает обзор корней австрийского подхода начиная с работы Карла Менгера. При подробном обсуждении вклада Менгера можно уже обнаружить все фирменные признаки австрийской экономической теории. Все экономические явления восходят к действиям индивидов (доктрина методологического индивидуализма). Причинность экономических событий интерпретируется в терминах субъективных оценок и мотивации отдельных индивидов. Таким образом, обобщения, касающиеся «сущности экономического действия», могут быть выведены дедуктивно, без обращения к историческим данным. Главная цель экономического анализа состоит в обеспечении понимания (*Verstehen*), а не в порождении прогнозов или занятии эмпирическими проверками.

Как отмечает Берри, в противоположность общепринятому взгляду «австрийцы», следуя Менгеру, не избегают понятия равновесия. Однако то, как они его используют, значительно отличается от метода его применения другими школами. Цель австрийских экономистов заключается в описании и понимании *процессов*, посредством которых экономические системы могут достичь равновесия. Напротив, традиционный неоклассик больше заинтересован в математическом доказательстве того, что равновесие может существовать, а затем в анализе условий, при которых такое существование возможно.

Берри исследует некоторые из центральных идей австрийской методологии. Рассмотрев сперва понятие субъективизма, он отмечает, что для представителя австрийской школы оно подразумевает следующее: ничто в экономической вселенной нельзя трактовать как объективно данное. Даже такие величины, как издержки, должны непрерывно открываться хозяйствующим субъектом в вечно меняющемся мире с неясным будущим. И экономический субъект не просто реагирует на то, что открывается; скорее, он «проактивен», беря на себя инициативу делать то, что, как ему кажется, скорее всего приведет к наиболее субъективно желаемому им «положению дел». Таким образом, с точки зрения австрийской школы любая попытка основать экономический анализ только на «объективном наблюдении» непременно упускает самую суть экономического процесса.

«Австрийский» взгляд на предпринимателя предполагает не просто формальную «рациональность», но скорее состояние «чуткости» к любым возможностям, которые могут быть выявлены в рыночной информации. Данное понятие подразумевает больше, чем просто арбитраж; предприниматель также «проактивен», не просто реагируя на разницу в ценах, но осуществляя «прыжки в неизвестность», связанные с инновационной деятельностью.

Наконец, Берри рассматривает некоторые аспекты австрийской точки зрения на деньги и экономические колебания, а также выводы для макроэкономической политики, которые следуют из австрийского подхода.

В главе 6 Боулэнд изучает «современные воззрения на экономический позитивизм». Он начинает с исследования значения (или, точнее говоря, значений) термина «позитивная экономическая теория». Позитивная экономическая теория, отмечает Боулэнд, часто определяется через ее противопоставление чему-либо еще. Но чему? Он делает обзор нескольких подобных предлагаемых противопоставлений, содержащихся в публикациях, — например, аналитическое и синтетическое, сущее и должное, теоретическое и прикладное — и обнаруживает, что каждое из них недостаточно описывает, что означает позитивная экономическая теория. Он полагает, что термин «позитивный» может быть наиболее важен как риторический прием. Невысказанный подтекст выглядит следующим образом: «Позитивный образ действий — это хорошо». Боулэнд рассматривает возможные источники такой презумпции.

Далее он проводит различие между четырьмя ветвями современного экономического позитивизма. Они представляют собой континуум воззрений. На одном полюсе — группа экономистов пока что еще малой численности, которая выступает в поддержку использования экспериментального метода в экономической науке (обзор этого направления детально представлен Лумзом в главе 29 настоящей книги). На другом полюсе спектра находятся последователи Самуэльсона, готовые принять методологическую точку зрения, согласно которой теории лишь в принципе должны быть проверяемы.

Между этими двумя крайностями расположены группы, которые Боулэнд нарекает «чикагской» и «лондонской» школами позитивной экономической теории. К первой, конечно же, относятся последователи Милтона Фридмана, чью методологическую позицию Боулэнд описывает как «упрощенный инструментализм». Он также излагает более сложные подходы Беккера и Стиглера.

Что касается «лондонского позитивизма»,² то Боулэнд отмечает, что Евангелием этой ветви в течение многих лет был учебник Липси

² Имеется в виду Лондонская школа экономики. (Прим. ред.)

Введение в позитивную экономическую теорию. Он детально анализирует методологические предписания этой книги по мере их эволюции на протяжении нескольких изданий, чтобы доказать свое утверждение, согласно которому современный экономический позитивизм представляет собой «основательно запутанную доктрину».

Почему же тогда, продолжает Боулэнд, современный экономический позитивизм все еще привлекает сторонников? Один из ответов, пишет он, состоит в риторической функции позитивизма. Сторонники экономического позитивизма настаивают, что их процедура свободна от ценностных суждений и именно этот аспект их кредо, более чем философские детали их метода, привлекает в них политиков.

Пытаясь проникнуть в дух позитивизма, Боулэнд строит модель типичной позитивистской журнальной статьи. Проверив свою модель эмпирически, он получает ее подтверждение: в одном из престижных журналов каждая статья, связанная с исследованием данных реального мира, соответствовала его модели.

Как и все создатели моделей, Боулэнд после этого пытается найти, что лежит в основе его эмпирических результатов, обнаружить причинную связь. Почему, спрашивает он, этот стандартный формат статьи столь популярен среди позитивистски ориентированных экономистов? Ответ, предлагаемый им, удивителен и очень далек от декларируемых философских целей позитивизма.

В главе 7 Сэмюэлс излагает институционалистский взгляд на экономическую науку. Институционалисты определяют свой подход через центральную проблему: «эволюция организации и контроля над экономикой в целом». Сэмюэлс подчеркивает, что для экономиста-институционалиста «экономика — нечто большее, чем рынок», и это лейтмотив всей статьи. Не опираясь на концептуальные модели рынка, институционалисты проявляют интерес к структурам и процессам, которые фактически влияют на то, что происходит в обширном экономическом мире, а рынок как таковой является всего лишь частью этого мира.

Институционалистский подход, пишет Сэмюэлс, имеет три грани: он является «корпусом знаний», средством для решения проблем и движением протеста. Экономисты-институционалисты протестуют как против некритического принятия существующих экономических институтов, так и против некритического принятия экономической теории, предполагающей наличие этих институтов.

Институционалисты, объясняет Сэмюэлс, подчеркивают важность власти как детерминанта экономических событий. Это не означает простую способность диктовать цены. Скорее, речь идет о борьбе между экономическими субъектами за приобретение разнообразных форм прав — в частности, права контролировать наличные технологии. Согласно институционалистской точке зрения, оптимум по Парето

зависит от конкретной конфигурации правомочий. Поскольку неоклассические экономисты игнорируют значение властной структуры, они, по мнению институционалистов, «узаконивают» ее, т. е. молчаливо принимают господствующий социально-политический статус-кво.

Сэмюэлс продолжает эту тему при рассмотрении институционалистской микроэкономической теории. Для институционалиста «аллокация ресурса есть функция власти». Действительно, выясняется, что, по мнению институционалистов, все известные феномены традиционной микроэкономической теории — только поверхностные признаки иных, более важных экономических событий. Эти события принимают формы силовой политики, борьбы за правомочия и присвоения собственности обманными путями. При этом предполагается, что правительство — далеко не посторонний фактор по отношению к описываемому экономическому процессу и находится в его центре, поскольку контроль, осуществляемый через административные органы, рассматривается просто как один из способов борьбы за власть.

В макроэкономической сфере аспекты власти и институциональной структуры также играют решающую роль. Например, институционалисты изучают способы, посредством которых на макроэкономические показатели может повлиять распределение дохода и богатства.

Сэмюэлс делает обзор конкретных областей, исследуемых экономистами-институционалистами. Описанная им программа исследований вполне в духе институционализма. Ее центр тяжести — не построение формализованных моделей, а скорее попытки обнаружить и понять, какие причинные силы — особенно те, что связаны со структурами и властью, — в действительности играют важную роль в экономике, понимаемой в широком смысле.

Центральной темой главы 8, написанной Коутсом, является призыв к систематическому исследованию «природы, исторической эволюции и значимости» профессионализации экономической науки. Он отмечает, что в последние десятилетия много говорилось о «проблемах» и «кризисах» в экономической теории, но нам не хватает достоверных данных, на основе которых можно было бы оценить важность этих трудностей для экономической науки как профессии.

Делая обзор возможных причин заметного расширения спроса на профессиональных экономистов за прошедшие полвека, Коутс полагает, что это, возможно, было проявлением общей тенденции к специализации функций, тенденции, часто сопровождавшей процесс индустриализации. Важное значение имели также хорошо разработанные теоретические рамки, которые могли помочь экономистам установить свою профессиональную идентичность. Идеология экономической науки, свободной от ценностей, также являлась мощным фактором формирования представлений о себе у профессионального экономиста.

В то же время экономисты в отличие от представителей других профессий, например медицинской, почти не продвинулись в установлении механизмов, предназначенных служить барьерами входа. Коутс относит такую позицию, в некоторой мере соответствующую принципу *laissez-faire*, к еще одному аспекту идеологии экономистов, а именно к их неприятию искажений рыночного механизма.

Как бы то ни было, спрашивает Коутс, что экономисты знают такого, чего не знают другие люди? В конце концов, обладание специализированным знанием представляет собой обязательное условие существования любой профессии. Он утверждает, что экономисты могут внести особый вклад в решения проблем, но данный вклад состоит в большей степени в экономическом «образе мышления», чем в использовании усложненных математических или статистических методов.

Делая обзор исторической эволюции профессионализации экономической науки, Коутс высказывает предположение, что начало признания экономической науки в качестве отдельной профессии восходит к рикардianцам в начале XIX в. Однако самостоятельные академические курсы по экономической теории начали распространяться только в последние годы этого века. Коутс считает, что эта тенденция может быть связана с расширением интереса к экономической науке, сопровождавшим маржиналистскую революцию, которую он называет первой вехой процесса профессионализации. Второй вехой была кейнсианская революция, когда сдвиг в теоретической парадигме экономистов сопровождался значительным расширением официальной экономической статистики.

В заключение Коутс рассматривает один часто упоминаемый недостаток профессии экономиста: существование внутри нее замкнутой самовоспроизводящейся элиты. Хотя Коутс согласен с тем, что такая элита, возможно, существует, он задает вопрос: каковы возможные альтернативы?

Литература

- Blaug M.* The Methodology of Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1980.
- Boland L.* The Foundations of Economic Method. London : George Allen & Unwin, 1982.
- Boland L.* On the state of economic methodology // Research in the History of Economic Thought and Methodology. 1984. Vol. 2. P. 173–177.
- Boland L.* Methodology for a New Microeconomics. Boston. MA : Allen & Unwin, 1986.
- Boland L.* The Methodology of Economic Model Building: Methodology After Samuelson. London : Routledge, 1989.

- Boulding K.* Economics as a Science. New York : McGraw-Hill, 1970.
- Caldwell B.* Beyond Positivism // Economic Methodology in the Twentieth Century. London : Allen & Unwin, 1982.
- Caldwell B.* Appraisal and Criticism in Economics. Boston. MA : Allen & Unwin, 1984.
- Capra F.* The Tao of Physics / 2nd edn. Boston, MA : New Science Library, 1983.
- Devons E.* Essays in Economics. London : Allen & Unwin, 1961.
- Eichner A.* (ed.). Why Economics is not yet a Science. Armonk. NY : M. E. Sharpe, 1983.
- Feyerabend P.* Farewell to Reason. London : Verso, 1987.
- Friedman M.* The methodology of positive economics / In M. Friedman. Essays in Positive Economics. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1953.
- Glass J., Johnson W.* Economics: Progression, Stagnation or Degeneration? London : Harvester Wheatsheaf, 1989.
- Hicks J.* Causality in Economics. Oxford : Basil Blackwell, 1979.
- Hutchison T.* Positive' Economics and Policy Objectives. London : Allen & Unwin, 1964.
- Hutchison T.* Knowledge and Ignorance in Economics. Oxford : Basil Blackwell, 1977.
- Katouzian H.* Ideology and Method in Economics. London : Macmillan, 1980.
- Knight F.* On the History and Method of Economics. Chicago. IL : University of Chicago Press, 1956.
- Krupp S.* (ed.). The Structure of Economic Science. Englewood Cliffs. NJ : Prentice-Hall, 1966.
- Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions / 2nd edn. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1970.
- Lakatos I.* The Methodology of Scientific Research Programmes: Philosophical Papers. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. Vols 1, 2.
- Latsis S.* (ed.). Method and Appraisal in Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.
- Lipsey R.* An Introduction to Positive Economics / 1st edn. London : Macmillan, 1963.
- Loasby B.* Choice, Complexity and Ignorance. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.
- Machlup F.* Methodology of Economics and Other Social Sciences. New York : Academic Press, 1978.
- McCloskey D.* The Rhetoric of Economics. Brighton : Harvester Wheatsheaf, 1986
- Mises L., von.* Epistemological Problems of Economics. Princeton, NJ. : Van Nostrand, 1960.
- Mises L., von.* The Ultimate Foundation of Economic Science. Princeton. NJ : Van Nostrand, 1962.
- Pheby J.* Methodology and Economics: A Critical Introduction. London : Macmillan, 1988.
- Phillips A.* The relationship between unemployment and the rate of change of money wage rates in the United Kingdom, 1861–1957 // *Economica*. 1958. Vol. 25. P. 283–299.

-
- Rosenberg A.* If economics isn't science, what is it? // *Philosophical Forum*. 1983. Vol. 14. P. 296–314.
- Samuels W.* (ed.). *Research in the History of Economic Thought and Methodology*. Greenwich, CT : JAI Press, 1984. Vol. 2.
- Shackle G.* *Time in Economics*. Amsterdam : North-Holland, 1958.
- Shackle G.* *Decision, Order and Time in Human Affairs*. Cambridge : Cambridge University Press, 1961.
- Shackle G.* *Expectation, Enterprise and Profit*. London : Allen & Unwin, 1970.
- Shackle G.* *Imagination and the Nature of Choice*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1979.
- Shackle G.* *Business, Time and Thought*. London : Macmillan, 1988.
- Stewart I.* *Reasoning and Method in Economics*. London : McGraw-Hill, 1979.
- Ward B.* *What's Wrong with Economics?* London : Macmillan, 1972.
- Zukav G.* *The Dancing Wu Li Masters*. Bungay : Suffolk : Flamingo, 1979.